

Война и постсовременность

Германия, потерпев поражение в войне, сумела осознать скрытые пороки миропорядка XIX в. и использовать это знание для того, чтобы ускорить его крах. Ее политики, сосредоточившие в 30-х годах все свои помыслы на этой задаче разрушения — задаче, которая нередко требовала создания новых методов и форм торговой и финансовой деятельности, войны и социальной организации, — в своих попытках подчинить ход событий собственным целям приобрели некое пагубное интеллектуальное превосходство над государственными деятелями других стран.

Карл Полаanyi. «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени»

Подвижная реальность

В сложном мире реализуются разные сюжеты. Футур-история отбрасывает множественную тень, выбор же сценария зависит от интерпретаций и позиции.

Из эпохи индустриализма люди мигрируют в новый мир, где категория количества утрачивает прежнее значение, а категория сложности становится универсальной величиной, пронизывая различные аспекты реальности: политические организмы, социальные и экономические конструкторы, механизмы действия. Сложные системы эксплуатируют транзит, отрицая равновесие и воспроизводя критичность. Черная королева поучала Алису в Зазеркалье: «Чтобы оставаться на месте, нужно очень быстро»

Неклесса Александр Иванович —

председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заведующий лабораторией «Север — Юг» Института Африки РАН.

бежать, а чтобы продвигаться, нужно бежать вдвое быстрее». Однако совет оказался двусмысленным, он сродни философии апгрейда, то есть улучшения существующего. Более верная сентенция звучит сегодня, пожалуй, следующим образом: «Не столь важна скорость, с которой двигаешься, сколько направление движения». При правильном применении данной тезы черепаха уверенно обгоняет Ахилла.

Реконструкция социокосмоса сопровождается аксиологическим и гносеологическим кризисом, разрушением рамок нормативного дискурса («окон Овертона»), преодолением психофизиологического барьера, стимулируя активное представление будущего, радикаль-

ную реорганизацию мыслительной политики и творческого процесса. Происходит обновление оргструктур и проблематики интеллектуальных корпораций, форм трансляции знания, методологии познания — действия — управления, переоценка роли нематериальных активов, выливающиеся в генезис сложной личности, освоение ею новых когнитивных пространств и кодов высокоадаптивной самоорганизации.

Будущее, как и вся вселенная социальной практики, создается людьми. Политик, на чью долю выпала в свое время возможность результативно повлиять на *status quo*, мыслит мир следующим образом: «Сегодняшний день не похож на вчерашний —

вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, *panta rei*, говоря словами греческого философа Гераклита <...> Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не стоит на месте. Рутинна — первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли. Мы должны обладать полнотой знания о мире и видеть мир таким, каков он есть сегодня, а не таким, каким был вчера, или таким, каким мы хотели бы его видеть» (Давид Бен-Гурион).

Вхождение в исторический транзит сопрягает устремле-

Верная сентенция звучит сегодня так: «Не столь важна скорость, с которой двигаешься, сколько направление движения».

ния цивилизации с множественностью криптограмм современного мира:

- трансформация мировой политической системы и культурная/контркультурная революция;
- высокоиндустриальный прорыв и кризис ресурсной экономики;
- финансовая критичность и горизонты освоения киберпространства как виртуальной социальности;
- вероятность неоиолиационизма Америки и частичной дезинтеграции или реконструкции Европейского союза;
- развилки будущего Китая, сценарии трансстихоокеанского партнерства, прогнозы южноамериканской интеграции, генезис нового «поколения развития»;
- метаморфозы ислама вкупе с шиито-суннитскими противоречиями;
- исход людей Юга и европейские страхи относительно «синдрома Франкенштейна» — возможной перемены стиля жизни, модификации миграционного и федеративного статусов, режимов демократии и безопасности;
- пертурбации углеводородной энергетики и эколого-климатического барьера;
- демографический вызов и эпидемиологические проблемы.

Кроме того, ряд ситуаций связан с возрастанием неопределенности и производством напряжений в сфере безопасности: ИГИЛ-сирийская комбинаторика; конфликт на территории Европы — на Украине и общий кризис постсоветского пространства; североамериканский прорыв в сфере ракетно-ядерных технологий.

Модернизация институтов, инструментов и технологий сменя-

ется пересмотром всей системы взаимодействий. Растет трансграничная мобильность, повышаются риски, умножаются возможности, формируется многоликий, все менее определенный универсум, усложняется его элитный зонтик. В деятельной вселенной складывается социальнo-правовой консенсус, изменяющий архитектуру и архитектонику цивилизации. В дисперсной среде актуализируется социокультурная гравитация (аттракция), заметна критическая роль антропологического фактора, идет активное перераспределение человеческих ресурсов на планете.

Коррекция прописей реальности отстает от происходящего, и как результат мы попадаем в ловушки интеллектуального кризиса, неточных карт, дефицита имен для нахлынувшей новизны.

Гибридная метаморфоза

Слова, используемые для описания человеческой вселенной, сохраняются достаточно долго: *государство, безопасность, война, etc.*, но вкладываемый в них смысл меняется, подчас существенно. В результате мы оказываемся в плену метафор и двусмысленностей, прежние категории начинают отягощать осознание перемен.

Национальное государство переживает трансформацию и профанацию. Лишенное былых возможностей управления человеческими траекториями оно утрачивает универсальность, сохраняя вместе с тем качества и блага суверенного правового сообщества. Параллельно возникают инновационные формы

политической организации: мировые и региональные регулирующие органы, страны-системы, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования, квазисуверенные государства, геоэкономические интегрии, государства-корпорации, слабоформализованные, но влиятельные сообщества (антропо-социальные структуры)... Приблизительно то же относится к институту войны. Средневековые войны, битвы эпохи Просвещения, индустриальные сражения различаются весьма заметно, однако их специфика представляется не столь существенной, как та трансформация, которая происходит сейчас в данной сфере. И та, которую еще предстоит пережить.

После мировых войн XX в., казалось, наступила долгая пауза: смертоносное наследие само по себе стало сдерживающим фактором, заставив искать обходные пути для силовых интервенций. На планете возникли спорадические военно-политические конфликты, на периферии велись локальные и ползучие войны, чаще низкой интенсивности, однако со значитель-

ным суммарным числом жертв. Большинство событий интегрировались в комплекс, называемый холодной войной, чье содержание до сих пор остается предметом дискуссий: это иной формат реальной войны со своей логикой, технологиями, битвами, жертвами или же грандиозная метафора — «мир, который не есть мир» (Джордж Оруэлл), — заполнившая паузу перед очередной вспышкой «настоящей» Третьей мировой войны?

Война — хирургия перемен, форма результативного насилия и кризисная самореализация политорганов в критических и стремительных обстоятельствах. Она имеет целью активное конструирование реальности — изменение существующего порядка в определенном направлении либо его реорганизацию в том или ином ареале. Причем выбор характера, средств и вектора трансформаций подчас оказывается важнее полноты исполнения замысла.

Привычные шаблоны нередко застилают смысл и обстоятельства, их породившие. Так, в условиях мирового консенсу-

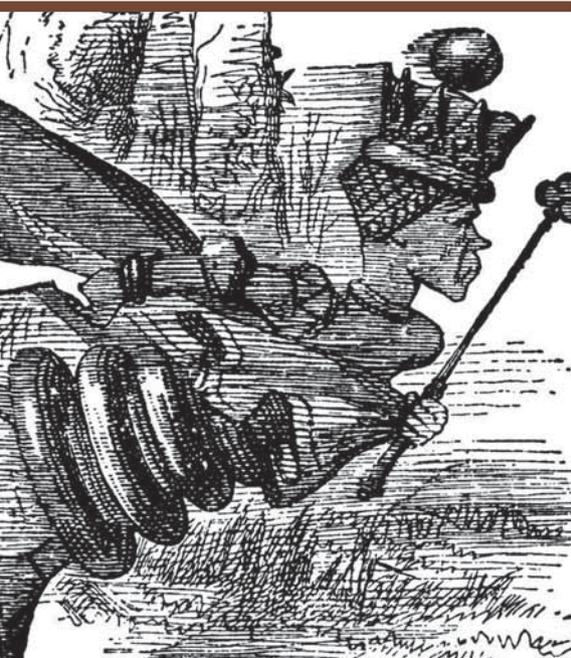
са и мощной технологической оболочки цивилизации территориально-властное мышление, связанное с геополитикой, оказывается все менее актуальным и эффективным. Современные войны не имеют целью оккупацию территорий — контроль над ситуацией или управление ресурсами обретается иным, менее затратным образом, хотя рецидивы случаются. Планирование и экспансия руководствуются суммой черновиков повседневности либо прописями из арсенала других, нежели геополитика, универсальных концептов: геоэкономики, геокультуры, геополитологии. Происходит переоценка категории силы, меняются объекты, способы и пространства ее проекции. Военная машина — это мощь, которая способна влиять на обстоятельства, не только изрыгая огонь и железо, но и отбрасывая на возникающие ситуации влиятельную, действенную тень.

В русле диверсифицированного подхода к обеспечению безопасности логично ожидать переоценки и перераспределения национальных ресурсов, учитывающих как изменение количественно-качественного баланса, взаимопроникновение внутренних и внешних аспектов, так и критичность в отношении ряда военно-технических средств. Рост стоимости современной военной техники превышает темпы роста военного бюджета, а цена обслуживания возрастает еще быстрее, причем большая часть этой техники никогда не используется на поле боя (Норман Августин). Тем самым инициируется переоценка целесообразности ее прежней номенклатуры, а также объемов производства, что является проблемой и закладывает предпосылки серьезного конфликта.

Популярная сегодня гибридная метаморфоза может рассматриваться как коррекция летального, кинетического формата наси-

лия, достигаемая путем системной имплантации нетрадиционных и экстраординарных мер в ткань повседневности. Она по своему рачительна относительно объема физических деструкций, числа жертв и разрушений. При этом однако происходит «уплощение» права и дискредитация его канонов, чреватые к тому же переосмыслением фундаментальной солидарности. Иными словами, гибридная война помимо достижения в той или иной ситуации своих конкретных целей оказывает негативное суммарное воздействие на общество, его мораль и нормы. Юриспруденция в чреде возникающих ситуаций оказывается относительно, конъюнктурной, отчасти «рыночной», а не мировоззренческой, то есть ценностной категорией. Внося значимые искажения в гармоники коммуникации, гибридная стилистика влияет, таким образом, на саму модель цивилизованных отношений и пропорции действительности, разрушая, в сущности, не столько мир, сколько его культурные основания, смысловую картину.

«В XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись — идут не по привычному нам шаблону. <...> „правила войны“ существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действия-

ми сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте» — так еще в январе 2013 г. (то есть примерно за год до развертывания украинского сюжета) суммировал изменения в характере военных действий начальник российского Генерального штаба Валерий Герасимов.

Кроме того, комплексный характер силовых операций предполагает не только разнообразие средств, применяемых для выполнения той или иной задачи, но также сопряжение разнородных субъектов, преследующих различные цели, однако же в силу сложившихся обстоятельств, действующих примерно в одном направлении. Де-

ламистское явление, его корни вероятно глубже, а квазиислам, возможно, скрывает более опасные формы агрессии по отношению к современной культуре и цивилизации: колонизирует земли, где социальный и культурный императив замещается психологической доминантой. Подобное расширение военной проблематики вновь вводит в оборот тему различения и сопряжения усилия и насилия.

Черты феномена напоминают отчасти течение инфекционных заболеваний или поведение перманентно атакуемых популяций. Соответственно, эффективная («гиперэкологическая») стратегия их купирования может строиться не только на успехе собственно военных операций, но главным образом на уяснении явления и модификации среды.

Предприятие для производства безопасности

Война действительно становится слишком сложным предприятием, «чтобы доверять ее лишь военным» (Талейран), и это отражается в структуре генерального предприятия по обеспечению внешней безопасности. Не только его высшие руководители — главнокомандующий, министр обороны — все чаще являются гражданскими лицами, но

ряд комплексных и непредвиденных ситуаций разрешается гражданскими специалистами. Привилегия же военных, то есть технических специалистов, — непосредственное руководство традиционным боевым инструментарием: обновляемыми вооруженными силами.

Холдинг действует, развивая и применяя модификации средств господства, не обязательно связанные с прямым использованием войск, привлекая к процессу различного рода частные предприятия и венчурные организации. Значительное внимание уделяется опережающим разработкам, а также адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, в том числе из высоких гуманитарных технологий — *high hume*. За период после «горячей» мировой войны сменилось несколько методологических форматов, связанных с анализом сложных ситуаций и управлением масштабными событиями: исследование операций, системный анализ, системная (индустриальная) динамика, управление матричное, косвенное, синергийное. На основании данных методологий создается эффективный методический и технологический инструментарий, применяемый при планировании и реализации военных операций.

монстрацию подобного состояния дел можно наблюдать, к примеру, в Сирии.

Актуальная паравоенная повестка — экспансия культуры смерти и трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (*undernet*), что повышает адаптивность и эволюционные возможности. Не касаясь подробно проблемы суицидального терроризма, отмечу, что шахидизм вряд ли следует рассматривать как исключительно ис-

Так, в ходе операции «Буря в пустыне» использовалась методика рефлексивного управления противником: при планировании событий учитывались особенности ментальности Саддама Хусейна, высокая вероятность существенного изменения им характера иракской обороны при признаках продвижения войск США в направлении не Кувейта, а Багдада. В результате траектория движения американских частей, якобы направленная в центр страны, образовала дугу, вонзившуюся в ослабленную оборону оккупированного Кувейта. Во время второй иракской кампании («Иракская свобода») также применялись оригинальные методики, в частности связанные с блокированием счетов, сопровождавшимся указанием на линию поведения, необходимую для их разблокирования.

Операции на Ближнем Востоке в определенном смысле не имеют временной границы. Скорее они вписываются в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, состоящей из следующих элементов:

- поддержание высокой боеготовности элементов войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- внешний контроль над ключевыми (критическими) зонами и окружающей средой, сохранение быстрого доступа в горячие точки;
- выстраивание синкретичных коалиций, отлаживание коммуникации и синергичного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- апробация инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные; испытание техники и вооружений;
- использование частных военных корпораций, создание

Военная машина — это мощь, которая способна влиять на обстоятельства, не только изрыгая огонь и железо, но и отбрасывая на возникающие ситуации влиятельную, действенную тень.

конъюнктурных оперативно-тактических союзов и гибридных коалиций.

В пределе важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание эффективного управления в подвижной, децентрализованной среде — там, где «события руководят планами» (Роберт Гейтс). Однако в случае существенного ограничения вовлеченности США в горячие конфликты не исключена передача значительной части боевой нагрузки союзникам по НАТО и партнерским исламским коалициям.

Все же это именно модификации привычного образа военных действий, правда, с существенными дополнениями. Так, к примеру, расширился список ареалов противоборства: к традиционному перечню (суша, море, воздух и космос) добавилось киберпространство, в процессе становления — психологосоциальный домен. Продвигаясь в данном направлении, осмысляя и аккумулируя идеологические (метафизические) измерения противоборства, военная практика осваивает рецептуру и картографию внутренних усилий и деятельных побуждений...

Трансформация вооруженных сил, реформирование систем господства, управления и национальной безопасности происходит сегодня в разных регионах. В начале этого года в КНР после масштабной антикоррупционной кампании было объявлено о радикальном преобразова-

нии Народно-освободительной армии — не только военного, но и политического, и экономического гиганта, чьи функции к тому же отчасти сливаются со структурами внутренней безопасности. Кстати, в отличие от других стран в КНР руководитель государства не является главнокомандующим: главный орган военного управления — Центральный военный совет, притом что Министерство обороны второстепенный персонаж в этой иерархии. Верховное командование осуществляет председатель ЦВС, которым, как правило, но не обязательно, и является действующий председатель КНР (он же генеральный секретарь ЦК КПК).

Изменения касаются практически всех элементов военной организации, упор сделан на межвидовое взаимодействие, мобильность, внедрение информационных технологий, постоянную боеготовность. Значительное внимание в НОАК уделяется киберразведке (III управление ГШ) и радиоэлектронной борьбе (IV управление ГШ), которые в реформированной структуре вливаются в новый род войск — войска стратегического обеспечения, выполняющие также другие задачи. Место же прежнего Генерального штаба замещает комплексный Объединенный штаб.

Wise power

Знание и осознание фактов проясляет действительное положение вещей, однако уловленный тренд открывает нечто большее — направление развития, он инкорпорирует преадаптацию как регламент действия. Будущие битвы станут сложными, харак-

Интеллектуальное банкротство влечет военное поражение.

тер угроз — неопределенным, состав союзов — непостоянным. Военные операции «будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции» (Дэвид Дж. Перкинс).

В подвижной среде меняется сам язык войны. Растет значение не только высокотехнологичного инструментария, межвидовой связности, скорости и силы социальных взаимодействий, междисциплинарной синергии, информационных и коммуникационных технологий, но также быстрой ориентации в сложном мире, использования неординарных активов, мастерство в создании ситуаций, «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником. Подобранный подход, «ставящий перед противником более сложные задачи, чем он может решить, ограничивает его возможности <...>, предоставляя стратегическое преимущество» (Оперативная концепция армии США «Победа в сложном мире 2020–2040»).

Проявлять способность преадаптации к «войнам Шредингера», поддерживая режим непрерывности изменений в комплексной среде, можно лишь при наличии существенного культурного капитала, особенно в форме неявного (личного) знания и когнитивных способностей, интеллектуальных преимуществ и кросс-культурных компетенций. На подходе (в экспериментальной фазе) психофизическое модулирование.

Инсайты «зловещего интеллектуального превосходства» (Карл Полањи) разрабатываются, апробируются и применяются

на практике. Это не только экспериментальные образцы вооружений и новые средства господства, но также архитектура умной обороны и ревизия оргструктур, концепты управления многофакторными системами и принципы действий в условиях неопределенности. А прикладные элементы нелинейной динамики, к примеру технологии кризис-менеджмента, уже лет двадцать как непосредственно взяты на вооружение. В США с различными аспектами проблематики сложности помимо пионера в исследовании комплексных адаптивных систем (физических, математических, биологических, социальных) — Института Санта-Фе (SFI) — связаны в той или иной мере агентства DARPA и IARPA, обновленный MITRE, Центр стратегических и международных исследований (CSIS), Центр по исследованию сложных операций (CCO) Университета национальной обороны США (NDU), Центр новой американской безопасности (CNAS), Центр умной обороны (CSD) при университете Западной Вирджинии (WVU), Лос-Аламосская национальная лаборатория (LANL), New America и др. Отдельная тема в этом ряду — демоны будущего мироустройства и кующее-

ся на кромке планирования оружие завтрашнего дня.

Интеллектуальное банкротство влечет военное поражение. Планирование на грани высокого горизонта событий обращено к неоднозначности проекций власти, слаженности ее «жуткого дальнего действия» (Альберт Эйнштейн), инакости общей ситуации per se, а не к уже познанным формулам и конструктам. Эклектичный, неопределенный статус постсовременной конфронтации — своего рода «туман мира» как метафора подобной суперпозиции — симптом общей трансформации социокосмоса, указывающий на вызывающее разнообразие альтернатив и высокую вероятность погружения в состояние перманентной динамической неопределенности «ни мира, ни войны». Отыскивая «объяснительную предпосылку» (Умберто Матурана), тут действительно в пору задуматься о схожести (когерентности) нелинейной политологии с постулатами неклассической физики. Кстати, нынешний министр обороны США Эштон Картер имеет два высших образования: он специалист по средневековой истории и доктор теоретической физики.

В общем, как любила повторять Алиса: «Мир становится все чудеснее и чудеснее»... И война тоже.

ПЭС 16098 / 07.06.2016

